

Н. В. ЧЕРНИКОВА

**«ЗАКОН СИЛЫ, У ЛЮДЕЙ СУЩЕСТВУЮЩИЙ НА ОПЫТЕ,
У БОГОВ - ПО ПРЕДПОЛОЖЕНИЮ» (ФУК. V, 105, 2)**

Этот методологический вывод Фукидид сделал, описывая 16-й год Пелопоннесской войны, светским и религиозным обоснованием которой он и служил: агрессии - со стороны афинян, обороны от порабощения - со стороны мелиян.

В 416 г. до н. э. афиняне осадили лаконскую колонию Мелос, сохранявшую до сего времени в войне нейтралитет. Афиняне, уверенные в превосходстве своих сил над возможностями мелиян, инициируют переговоры с целью убедить мелиян подчиниться Афинам без развязывания военных действий. Для обоснования своих захватнических намерений афиняне выдвигают тезис о значимости права только в условиях равенства сил противоборствующих сторон, «... если же этого нет, то сильный делает то, что может, а слабый уступает» (Фук. V, 89). Мелияне, пытаясь отстоять свое право оставаться нейтральными в войне и сохранить свободу, признавая превосходство афинского военного могущества, выражают надежду на помощь богов: «... Судьба, управляемая божеством, не допустит нашего унижения, потому что мы, люди богобоязненные, выступаем против людей несправедливых...» (Фук. V, 104).

В ответ на это афинские послы оправдывают свою запланированную войну против Мелоса религиозной ссылкой на то, что и афиняне «ничего не Делают такого, что противно вере людей в божество» (Фук. V, 105,1). Обращает на себя внимание обозначение Фукидидом «веры людей в божество» безымянное (*es to theion nomiseos*), но, несомненно, олимпийское, на милость (*eumeneias*, в переводе Мищенко и Жебелева - «благодать») которого надеются противоборствующие переговорщики.

Афиняне опровергают надежду на спасение мелиян и большинства людей (*tois pollois*. - Фук. V, 103,2), которые, «имея еще возможность спастись

человеческими средствами, после того как их в беде покинут явные надежды, обращаются к надеждам скрытым, к мантике, предсказаниям, ко всему тому, что ведет питающихся надеждою к гибели» (Фук. V, 103,2). Мелияне возражают этому с помощью признанного вероисповедного положения: «судьба, управляемая божеством» (*tyche ek tou theou* — букв. «судьба от бога». - Фук. V, 104, 1), не допустит унижения мелиян. Однако обе стороны раскрывают не религиозное содержание мантики, предсказаний и не процедуру их проведения, что непосредственно относится к религии. Трактовка веры в богов, точнее, веры в помощь божества ведется с прагматической целью: афиняне обосновывают вооруженное нападение и порабощение нейтральных мелиян, последние — оборону, чтобы сохранить свободу и избежать рабства (*doyleysai ereixelthein*. - Фук.V, 100, 1). Афинские послы, несомненно, выражаются смело - но в контексте, в котором говорится о связи «человеческих средств» с мантикой и предсказаниями. В безбожии их самих нельзя обвинить, хотя явным надеждам они отдают предпочтение, а «скрытые», без опоры на явные, по их мнению, ведут к гибели. Они развили мысль Фемистокла о соотношении воли бога и человека. «Когда люди принимают разумные решения, то обычно все им удается, - говорил Фемистокл. — Если же их решения безрассудны, то и божество обыкновенно не помогает человеческим начинаниям» (Геродот, VIII, 60).

Фукидид вкладывает в уста афинских послов мысль о власти сильных над слабыми по природе, а не по воле божества. «В самом деле, - говорят афинские послы, - относительно богов мы это предполагаем, относительно людей знаем наверное, что повсюду, где люди имеют силу, они властвуют по непрекаемому велению природы. Не мы установили этот закон, не мы первые применили его; мы получили его готовым и сохраним на будущее время, так как он будет существовать вечно» (Фук. V, 105,2). Итак, афинские послы достоверно знают о действии права силы у людей и позволяют себе предполагать наличие его и у богов.

Сомнение такое любопытно, оно не совпадает с официальной трактовкой жизни богов, не допускающей сомнений. Его можно рассматривать и как стихийное формирование мысли о перенесении законов жизни людей на взаимоотношение богов. Во всяком случае, в религиозной мифологии, в гомеровских поэмах показано самое жестокое проявление воли богов, их участие в войне. Когда война стала занятием преимущественно знати, Аполлон надеяется новой функцией лучника, бога-воителя, самого популярного у аристократии. Культ Аполлона тогда противопоставлялся культу Диониса, бога земледельцев, занимавшихся мирным трудом. Дионис не допускался в олимпийский пантеон. Заступничеством божества мелияне прикрывают свою решимость бороться за свободу, против порабощения. Афиняне утверждают,

что они не идут против воли божества, пользуясь правом сильного, поскольку оно принято и богами.

В 433-411 гг. до н. э. в Афинах возбуждены судебные процессы по обвинению в религиозном нечестии против Анаксагора, Фидия, Аспасии, Протагора, Диагора, осквернителей мистерий и гермокопидов (в числе обвиняемых был Алкивиад) и Андокида. Основанием для возбуждения дел против Анаксагора, Прогагора и Диагора были их философские взгляды. Анаксагор утверждал, что первоначально существовали гомеомерии, т. е. «семена». Толчок к появлению вещества дал «нус» (разум). Солнце он назвал «глыбой, огненной насквозь». Протагор сомневался в возможности познать существование богов. «О богах я не могу знать, — говорил он, — есть ли они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует такому знанию, — и вопрос темен, и людская жизнь коротка».

Сомнение в достоверности непримиримо противостоит всемогуществу Зевса и вере в него. Тем самым Протагор продемонстрировал особенность в сфере религиозного познания как просвещенный, готовый развивать религиозную мысль вопреки демосу, который привык принимать постановления (dogma) и по вероисповедным вопросам, как по любым политическим в широком смысле слова. Протагор высказал только мнение мыслящего просвещенца, не доходя до прямого отрицания богов, как это сделал Диагор. Как афиняне с мелиянами, так и Протагор различают божеское и человеческое, сохранившееся различие в системе вероисповедного мышления со времен Гомера. У афинских послов предположение о богах противоположно достоверному знанию о них. Но еще более показательна трактовка человеческой природы о праве сильного, зависящего «не от воли божества, но действующего по велению природы» (*hupo fyseos anankaiaias*. - Фук. V, 105, 2). Это же полная аналогия протагоровскому положению «человек есть мера всех вещей», которому предшествует сомнение, есть ли боги. Но предположение сопоставимо с выражением «не могу знать», а не с верой, которая несовместима с незнанием. Во мнении непросвещенных афинян высмеивание божеских недостатков, такое как у Гомера, в «Птицах» Аристофана, не является их отрицанием.

Иначе воспринимался Еврипид - «философ на сцене», по заключению И. М. Тройского, обсуждавший новые теории и находившийся под влиянием Протагора. Герой его трагедии «Беллерофонт» заявил: «На небе боги есть...

Так говорят!.. Нет! Нет! Их нет! И у кого крупица хотя бы есть ума, не станет верить сказаниям старым... Богобоязненных, но очень слабых немало мне известно городов... они дрожат, подавленные силой других держав, могучих, но безбожных». Проявлялись новые взгляды на роль вмешательства богов в Дела людей. Мысль Ксенофана «не воспевать сражений Титанов» получила

новое развитие. Но она совпадает и с признанной причиной безбожия Диагора Мелосского - порабощением его родного нейтрального острова Мелоса, богобоязненность жителей которого опиралась и на надежду на помощь от божества, равно как порабощение жителей афинянами обосновывалось в той же самой вероисповедной системе мышления. Возникает вывод: если борющиеся одинаково уповают на помощь божества, но каждый трактует ее в свою пользу, то верующие афинские послы и верующие мелияне, и тем более их соотечественник Диагор, отличают волю признанного обеими сторонами божества оказывать эту помощь от трактовок ее каждым в свою пользу. Иначе нет смысла во всем диалоге. Не придя к единому разумному решению, они разрешили спор силой оружия. И вера, и разум, божеское и человеческое оказались бессильными. Почему послы не преследуются, как Анаксагор, Протагор и Диагор, высказавшие свои обобщающие взгляды в слове, теории? Потому, во-первых, что послы выразили коллективное, как на экклесии, мнение. Потому, во-вторых, что они на практике доказывали свою трактовку религиозных положений в интересах афинского полиса, продемонстрировав на данный момент его могущество.

С помощью предполагаемого господства силы в мире олимпийских богов обожествляется, обосновывается реально существующее в земном мире эллинов право силы и порабощение Мелоса. А Протагор путем распространения своих обобщающих взглядов, в слове, философской мысли, в условиях всеобщей тревоги, осознаваемой непрочности Никиева мира 421 г. до н. э., распространял сомнение среди афинян о божественной помощи в предстоящих битвах. Афинское посольство не обвинили в нечестии против богов по той же причине, по которой противники Алкивиада побоялись совершить суд над ним по обвинению в разрушении герм и пародировании мистерий до отплытия афинского флота.

Подводя итог, отметим следующее: 1) религиозно-идеологическое обоснование противоположных действий - агрессии и обороны - обеими сторонами велось в системе олимпийского мышления «веры в божество»; 2) охрана этой веры велась в интересах афинского полиса, что и привело к оправданию сомнения афинских послов и осуждению за подобное сомнение Протагора; 3) обоснование агрессии и обороны на основе «веры в божество» - формулировка соответствующей религиозно-военной концепции.

¹ *Тройский И. М.* История античной литературы. М., 1983. С. 139.

² Цит по: *Колобова К. М., Глускина Л. М.* Очерки истории Древней Греции. Л., 1956. С. 268.